

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский

8 ЧАСТЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИКАЗ № 3

Прочесть по всем эскадрильям футуристов, крепостям классиков, удушливогазным командам символистов, обозам реалистов и кухонным командам имажинистов.

Где еще

– разве что в Туле? –

позволительно становиться на поэтические ходули?!

Провинциям это!..

«Ах, как поэтично...

как возвышенно...

Ах!»

Я двадцать лет не ходил в церковь.

И впредь бывать не буду ни в каких церквах.

Громилы Василия Блаженного.

Я не стал теряться.

Радостный,

вышел на пушечный зов.

Мне ль

вычеканивать венчики аллитераций

богу поэзии с образами образóв.

Поэзия – это сиди и над розой ной...

Для меня

невыносима мысль,

что роза выдумана не мной.

Я 28 лет отращиваю мозг

не для обнюхивания,

а для изобретения роз.

Надсоны,

не в ревность

над вашим сонмом

эта

моя

словостройка взвеена.

Я стать хочу

в ряды Эдисонам,

Лениным в ряд,

в ряды Эйнштейнам.

Я обкармливал.

Я обкармливался деликатесами дóсыта.

Ныне –

мозг мой чист.

Язык мой гол.

Я говорю просто –

фразами учебника Марго.

Я

поэзии

одну разрешаю форму:

краткость,

точность математических формул.

К болтовне поэтической я слишком привык, –

я еще говорю стихом, а не напрямик.

Но если

я говорю:

«А!» –

это «а»

атакующему человечеству труба.

Если я говорю:

«Б!» –

это новая бомба в человеческой борьбе.

Я знаю точно – что такое поэзия. Здесь описываются мною интереснейшие события, раскрывшие мне глаза. Моя логика неоспорима. Моя математика непогрешима.

Внимание!

Начинаю.

Аксиома:

Все люди имеют шею.

Задача:

Как поэту пользоваться ею?

Решение:

Сущность поэзии в том,
чтоб шею сильнее завинтить винтом.

Фундамент есть.

Начало благополучно.

По сравнению с Гершензоном даже получается научно.

Я и начал!

С настойчивостью Леонардо да Винчевою,

закручу,

раскручу

и опять довинчиваю.

(Не думаю,

но возможно,

что это

немного

похоже даже на самоусовершенствование йога.)

Постепенно,

практикуясь и тужась,

я шею так завинтил,

что просто ужас.

В том, что я сказал,

причина коренится,

почему не нужна мне никакая заграница.

Ехать в духоте,

трястись,

не спать,

чтоб потом на Париж паршивый плятиться?!
Да я его и из Пушкина вижу,

как свои

пять пальцев.

Мой способ дешевый и простой:

руки в карманы заложил и стой.

Вставши,

мысленно себя вытягивай за уши.

Так

через год

я

мог

шею свободно раскручивать на вершок.

Прохожие развозмущались.

Потом привыкли.

Наконец,

и смеяться перестали даже –

мало ли, мол, какие у футуристов бывают блажи.

А с течением времени

пользоваться даже стали –

при указании дороги.

«Идите прямо, –

тут еще стоят такие большие-большие ноги.

Ноги пройдет, и сворачивать пора –

направо станция,

налево Акулова гора».

Этой вот удивительной работой я был занят чрезвычайно долгое время.

Я дней не считал.

И считать на что вам!

Отмечу лишь:

сквозь еловую хвою,

года отшумевши с лесом мачтовым,

леса перерос и восстал головою.

Какой я к этому времени –

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
даже определить не берусь.
Человек не человек,
а так –
людогусь.
Как только голова поднялась над лесами, обзираю окрестность.
Такую окрестность и обозреть лестно.
Вы бывали в Пушкине (Ярославская ж. д.) так в 1925–30 году? Были болота.
Пахалось невесть чем. Крыши – дыры. Народ крошечный. А теперь!

В красных,
в зеленых крышах сёла!
Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый!
У станции десятки линий.
Как только не путаются –
не вмещает ум.
Станция помножилась на 10 – минимум.
«Серьезно» –
поздно
является.
Молодость – известное дело – забавляется.
Нагибаюсь.
Глядя на рельсовый путь,
в трубу паровозу б сверху подуть.
Дамы мимо.
Дым им!
Дамы от дыма.
За дамами дым.
Дамы в пыль!
Дамы по луже.
Бегут.
Расфыркались.
Насморк верблюжий.
Винти дальше!
Пушкино размельчилось.
Исчезло, канув.
Шея растягивается
– пожарная лестница –
голова
уже
разве что одному Ивану
Великому
Ровесница.
Москва.
Это, я вам доложу, – зрелище. Домá. Дома необыкновенных величин и красот.

Помните,
дом Нирензее
стоял,
над лачугами крышицу взвеивая?
Так вот:
теперь
под гигантами
грибочком
эта самая крыша Нирензеевая.
Улицы циркулем выведены. Электричество ожерельями выложило булыжник. Диадимищами
горит в театральных лбах. Горящим адрес-календарем пропечатывают ночь рекламы и
вывески. Из каждой трубы – домовьей, пароходной, фабричной – дым. Работа. Это
Москва – 940–950 года во всем своем великолепии.

Винти!
Водопьяный переулок разыскиваю пока,
Москва стуманилась.
Ока змейнула.
Отзмеилась Ока.
Горизонт бровями лесными хмурится.
Еще винчусь.

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Становища Муромца
из глаз вон.
К трем морям
простор
одуряющ и прям.
Волга,
посредине Дон,
а направо зигзагища Днепра.
До чего ж это замечательно!
Глобус – и то хорошо. Рельефная карта – еще лучше. А здесь живая география.
Какой-нибудь Терек – жилкой трепещет в дарьяльском виске. Волга игрушечная
переливается фольгой. То розовым, то голубым акварелит небо хрусталик Араратика.

Даже размечтался – не выдержал.
Воздух
голосом прошлого
ветрится басов...
Кажется,
над сечью облачных гульб
в усах лучей
головища Тарасов
Бульб.
Еще развинчиваюсь,
и уже
бежит
глаз
за русские рубежи.
Мелькнули
валяющиеся от войны дробилки:
Латвии,
Литвы
и т. п. политические опилки.
Гущей тел искалеченных, по костям скрученным,
тяжко,
хмуро,
придавленная версальскими печатями сургучными,
Германия отрабатывается на дне Рура.
На большой Европейской дороге,
разбитую челюсть
Версальским договором перевязав,
зубами,
нож зажавшими, щерясь,
стоит француз-зуав.
Швейцария.
Закована в горный панцырь.
Италия...
Сапожком на втором планце...
И уже в тумане:
Испания...
Испанцы...
А потом океан – и никаких испанцев.
Заворачиваю шею в полоборотца.
За плечом,
ледниками ляская –
бронзовая Индия.
Встает бороться.
Лучи натачивает о горы Гималайские.
Поворачиваюсь круто.
Смотрю очумело.
На горизонте Япония,
Австралия,
Англия...
Ну, это уже пошла мелочь.
Я человек ужасно любознательный. С детства.
Пользуюсь случаем –
полюсы
полез осмотреть получше.
Наклоняюсь настолько низко,

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

что нос
мороз
выдергивает редиской.
В белом,
снегами светящемся мире
Куки,
Пири.
Отвоевывают за шажками шажок, –
в пуп земле
наугад
воткнуть флажок.
Смотрю презрительно,
чуть не носом тыкаясь в ледовитые пятна –
я вот
полюсы
дюжинами б мог
открывать и закрывать обратно.
Растираю льдышки обмороженных щек.
Разгибаюсь.
Завинчиваюсь еще.
Мира половина –
кругленькая такая –
подо мной,
океанами с полушария стекая.
Издали
совершенно вид апельсиний;
только тот желтый,
а этот синий.
Раза два повернул голову полным кругом. Кажете наиболее интересные вещи
осмотрены.

Ну-с,
теперь перегнусь.
Пожалуйста!
Нате!
Соединенные
штат на штате.
Надо мной Вашингтоны,
Нью-Йорки.
В дыме.
В гаме.
Надо мной океан.
Лежит
и не может пролиться.
И сидят,
и ходят,
и все вверх ногами.
Вверх ногами даже самые высокопоставленные лица
наглядевшись американских дивёс,
как хороший подъемный мост,
снова выпрямляюсь во весь
рост.
Тут уже начинаются дела так называемые небесные.
Звезды огромнеют,
потому – ближе.
Туманна земля.
Только шумами дальними ухо лижет,
голоса в единое шумливо смеля.
Выше!
Тишь.
И лишь
просторы,
мирам открытые странствовать.
Подо мной,
надо мной
и насквозь светящее реянье.
Вот уж действительно
что называется – пространство!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Хоть руками щупай в 22 измерения.
Нет краев пространству,
времени конца нет.
Так рисуют футуристы едущее или идущее:
неизвестно,
что вещь,
что след,
сразу видишь вещь из прошедшего в грядущее.
Ничего не режут времени ножи.
Планеты сшибутся,
и видишь –
разом
разворачивается новая жизнь
грядущих планет туманом-газом.
Некоторое отступление.–
Выпустят из авиашколы летчика.
Долго ль по небу гоняет его?
И то
через год
у кареглазого молодчика
глаза
начинают просвечивать синевой.
Идем дальше.
Мое пребывание небом не считано,
и я
от зорь его,
от ветра,
от зноя
окрасился весь небесно-защитно –
тело лазоревосинесквозное.
Я так натянул мою материю,
что ветром
свободно
насквозь свистело, –
и я
титанисто
боролся с потерю
привычного
нашего
плотного тела.
Казалось:
миг –
и постройки масса
рухнет с ног
со всех двух.
Но я
оковался мыслей каркасом.
Выметаллизировал дух.
Нервная система?
Черта лешего!
Я так разгимнастировал ее,
что по субботам,
вымыв,
в просушку развешивал
на этой самой системе белье.
Мысль –
вещественней, чем ножка рояльная.
Вынешь мысль из-под черепа кровельки,
и мысль лежит на ладони,
абсолютно реальная,
конструкцией из светящейся проволоки.
Штопором развинчивается напрягшееся ухо.
Могу сверлить им
или
на бутылку нацелиться слухом
и ухом откупоривать бутылки.
Винты еще!
Тихо до жути.

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Хоть ухо выколи.
Но уши слушали.
Уши привыкли.
Сперва не разбирал и разницу нот.
(Это всего-то отвинтившись версты на три!)
Разве выделишь,
если кто кого ругнет
особенно громко по общеизвестной матери.
А теперь
не то что мухин полет различают уши –
слышу
биенье пульса на каждой лапке мушьею.
Да что муха,
пустяк муха.
Слышу
каким-то телескопическим ухом:
мажорно
мира жернов
басит.
Выворачивается из своей осі.
Уже за час различаю –
небо в приливе.
Наворачивается облачный валун на валун им.
Это месяц, значит, звезды вывел
и сам
через час
пройдет новолунием.
Каждая небесная сила
по-своему голосила.
Раз!
Раз! –
это близко,
совсем близко
выворачивается Марс.
Пачками колец
Сатурн
расшуршался в балетной суете.
Вымахивает за туром тур он
свое мировое фуэтэ.
По эллипсисам,
по параболам,
по кругам
засвистывают на невероятные лады.
Солнце-дирижер,
прибрав их к рукам,
шипит –
шипенье обливаемой сковороды.
А по небесному стеклу,
будто с чудовищного пера,
скрип
пронизывает оркестр весь.
Это,
выворачивая чудовищнейшую спираль,
солнечная система свистит в Геркулес.
Настоящая какофония!
Но вот
на этом фоне я
жесткие,
как пуговики,
стал нащупывать какие-то букочки.
Воздух слышу, –
расходятся волны его,
груз фраз на спину взвалив.
Перекидываются словомолниево
Москва
и Гудзонов залив.
Москва.
«Всем! Всем! Всем!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Да здравствует коммунистическая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Эй!»

Чикаго.

«Всем! Всем! Всем!

Джимми Долларс предлагает партию
откормленнейших свиней!»

Ловлю долетающее сюда извне.

В окружающее вросся.

Долетит –

и я начинаю звенеть и звенеть

антеннами глаза,

глотки,

носа.

Сегодня я добился своего. Во вселенной совершилось наиневроятнейшее
превращение.

Пространств мировых одоления ради,

охвата ради веков дистанций

я сделался вроде

огромнейшей радиостанции.

С течением времени с земли стали замечать мое сооружение. Земля ошеломилась.

Пошли целить телескопы. Книга за книгой, за статьей статья. Политехнический
музей взрывался непрекращающимися диспутами. Я хватал на лету радио важнейших
мнений. Сводка:

Те, кто не видят дальше аршина,

просто не верят:

«Какая такая машина??»

Поэты утверждают:

«Новый выпуск «истов»,

просто направление такое

новое –

унанимистов».

Мистики пишут:

«Логос.

Это всемогущество. От господ бога-с».

П. С. Коган:

«Ну, что вы, право,

это

просто

символизируется посмертная слава».

Марксисты всесторонне обсудили диво.

Решили:

«Это

олицетворенная мощь коллектива».

А. В. Луначарский:

«Это он о космосе!»

Я не выдержал, наклонился и гаркнул на всю землю:

– Бросьте вы там, которые о космосе!

Что космос?

Космос далеко-с, мусью-с!

То, что я сделал,

это

и есть называемое «социалистическим поэтом».

Выше Эйфелей,

выше гор

– кепка, старое небо дырь! –

стою,

будущих былин Святогор

богатырь.

Чтоб поэт перерос веков сроки,

чтоб поэт

человечеством полководить мог,

со всей вселенной впитывай соки

корнями вросших в землю ног.

Товарищи!

У кого лет сто свободных есть,

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
можете повторно мой опыт произвести.

А захотелось на землю

вниз –

возьми и втянись.

Практическая польза моего изобретения:

при таких условиях

древние греки

свободно разгуливали б в тридцатом веке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Простите, товарищ Маяковский. Вот вы всё время орете – «социалистическое

искусство, социалистическое искусство». А в стихах – «я», «я» и «я». Я радио, я

башня, я то, я другое. В чем дело?

ДЛЯ МАЛОГРАМОТНЫХ

Пролеткультцы не говорят

ни про «я»,

ни про личность.

«Я»

для пролеткультца

все равно что неприличность.

И чтоб психология

была

«коллективней», чем у футуриста,

вместо «я-с-то»

говорят

«мы-с-то».

А по-моему,

если говорить мелкие вещи,

сколько ни заменяй «Я» – «Мы»,

не вылезешь из лирической ямы.

А я говорю

«Я»,

и это «Я»

вот,

балагуря,

прыгая по словам легко,

с прошлых

многовековых высот,

озирает высоты грядущих веков.

Если мир

подо мной

муравейника менее,

то куда ж тут, товарищи, различать местоимения?!

ТЕПЕРЬ САМА ПОЭМА

Напомню факты. Раскрутив шею, я остановился на каких-то тысячных метрах.

Подо мной земля –

капля из-под микроскопа:

загогулина и палочка, палочка и загогулина...

Европа лежит грудой раскопок,

гулом пушек обложенная огульно.

Понятно,

видишь только самые общие пятна.

Вот

она,

Россия,

моя любимая страна.

Красная,

только что из революции горнила.

Рабочей

чудовищной силой

ворочало ее и гранило.

Только еле

остатки нэпа ржавчиной чернели.

А это Польша,

из лоскуточков ссучена.

Тут тебе сразу вся палитра.

Склей такую!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Потратила пилсудчина
слюны одной тысячу литров.
Чувствуешь –
зацепить бы за лоскуточек вам,
и это
всё
разлезется по швам.
Германия –
кратера огнедышащий зной.
Камня,
пепла словесное сеянье.
Лава –
то застынет соглашательской желтизной,
то, красная,
дрожит революции землетрясением.
Дальше.
Мрак.
Франция.
Сплошной мильерановский фрак.
Черный-черный.
Прямо синий.
Только сорочка блестит –
как блик на маслине.
Чем дальше – тем чернее.
Чем дальше – тем мрачнее.
Чем дальше – тем ночнее.
И на горизонте,
где Америка,
небо крѳя,
сплошная чернотища выметалась икрою.
Иногда лишь
черноты горы
взрывались звездой света –
то из Индии,
то из Ангоры,
то из Венгерской республики Советов.
Когда же
сворачивался лучей веер,
день мерк –
какой расфееривался фейерверк!
Куда ни нагнись ты –
огнисто.
Даже ночью, даже с неба узнаю РСФСР.
Мало-помалу,
еле-еле,
но вместе с тем неуклонно,
неодолимо вместе с тем
подо мной
развертываются
огней параллели –
это Россия железнодорожит темь.
А там вон
в линиях огни поредели,
в кучи сбились,
горят тангово.
Это значит –
Париж открывает бордели
или еще какая из животоварных торговок.
Собрать бы молнии
да отсюда
в золотооконный
в этот самый
в Мулен
в Руж..
Да разве попрешь?
Исторические законы!
Я марксист,
разумеется, не попру ж!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
Если б вы знали,
с какой болью
ограничиваюсь свидетельской ролью.
Потушить антенны глаз. Настроить на 400 000 верст антенны слуха!

Сначала
– молодое рвение –
радостно принимал малейшее веянье.
Ловлю перелеты букв-пуль.
Складываю.
Расшифровываю,
волнуясь и дрожа.
И вдруг:
«Ллойд-Джордж зовет в Ливерпуль.
На конференцию.
Пажá-пажá!!»
Следующая.
Благой мат.
Не радио,
а Третьяков в своем «Рыде»:
«Чего не едете?
Эй, вы,
дипломат!
Послезавтра.
Обязательно!
В Мадриде!»
До чего мне этот старик осточертел!
Тысячное радио.
Несколько слов:
«Ллойд-Джордж.
Болезнь.
Надуло лоб.
Отставка.
Вызвал послов.
Конференция!»
Конотоп!
Черпнешь из другой воздушной волны.
Волны
другой чепухой полны.
«Берлину
Париж:
Гони монету!»
«Парижу
Берлин:
Монет нету!»
«Берлину.
У аппарата Фош.
Платите! –
а то зазвените».
«Парижу.
Что ж,
заплатим,
извините».
И это в конце каждого месяца.
От этого
даже Аполлон Бельведерский взбесится.
А так как
я
человек, а не мрамор,
то это
меня
извело прямо.
Я вам не в курзале под вечер летний,
чтоб слушать
эти
радиосплетни.
Завинчусь.
Не будет нового покамест –

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
затянусь облаками-с.
Очень оригинальное ощущение. Головой провинтил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя голова.

Мореет тучами.
Облаком застит.
И я
на этом самом
на море
горой-головой плыву головасть –
второй какой-то брат черноморий.
Эскадры
верблюдокорабледраконьи.
Плывут.
Иззолочены солнечным Крезом.
И встретясь с фантазией ультра-Маркони,
об лоб разбиваемы облакорезом.
Громище.
Закатится
с тучи
по скату,
над ухом
грохотом расчересчурясь.
Втыкаю в уши облака вату,
стою в тишине, на молнии щурясь.
И дальше
летит
эта самая Лета;
не злобствуя дни текут и не больствуя,
а это
для человека
большое удовольствие.
Стою спокойный. Без единой думы. Тысячесилием воли сдерживаю антенны. Не гудеть!

Лишь на извилах подсознательных,
проселков окольней,
полумысль о культуре проходящих поколений:
раньше
аэро
шуршали о голени,
а теперь
уже шуршат о колени.
Так
дни
текли и текли в покое.
Дни дотекли.
И однажды
расперегринуло такое,
что я
затрясся антенной каждой.
Колонны ног,
не колонны – стебли.
Так эти самые ноги колеблет.
В небо,
в эту облакову няньку,
сквозь земной
непрекращающийся зуд,
все законы природы вывернув наизнанку,
в небо
с земли разразили грозу.
Уши –
просто рушит.
Радиосмерч.
«Париж...
Согласно Версальскому
Пуанкаре да Ллойд...»
«Вена.

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Долой!»

«Париж.

Фош.

Врешь, бош.

Берегись, унтер...»

«Berlin.

Runter!» [1]

«Вашингтон.

Закрывать Европе кредит.

Предлагаем должникам торопиться со взносом».

«Москва.

А ну!

Иди!

Сунься носом».

За радио радио в воздухе пляшет.

Воздух

в сплошном

и грозобуквом ералаше.

Что это! Скорее! Скорее! Увидеть. Раскидываю тучи. Ладонь ко лбу. Глаза укрепил над самой землей. Вчера еще закандаленная границами, лежала здесь Россия одиноким красным оазисом. Пол-Европы горит сегодня. Прорывает огонь границы географии России. А с запада на приветствия огненных рук огнеплетет германский пожар. От красного тела России, от красного тела Германии огненными руками отделились колонны пролетариата. И у Данцига –

пальцами армий,

пальцами танков,

пальцами фоккеров

одна другой руку жала.

И под пальцами

было чуть-чуть мокро

там,

где пилсудчина коридорами лежала.–

Влились. Сплошное огневище подо мной. Сжалось. Напряглось. Разорвалось звездой.

Надрывающиеся вопли:

«Караул!

Стой!»

А это

разливается пятиконечной звездой

в пять частей оторопевшего света.

Вот

один звездозуб,

острый,

узкий,

врезывается в край земли французской.

Чернота старается.

Потушить бы,

поймать.

А у самих

в тылу

разгорается кайма.

Никогда эффектнее не видал ничего я!

Кайму протягивает острие лучевое.

Не поможет!

Бросьте назад дуть.

Красное и красное – слилось как ртуть.

Сквозь Францию

дальше,

безудержный,

грозный,

вгрызывается зубец краснозвездный.

Ору, восторженный:

– Не тщитесь!

Ныне

революции не залить.

Склонись – перед нею! –

А луч

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
взбирается на скат Апеннинский.

А луч
рассвечивается по Пиренею.
Сметая норвежских границ следы,
по северу
рвется красная буря.
Здесь
луч второй прожигает льды,
до полюса снега опурпуря.
Поезда чище
лился Сибирию третий лучище.
Красный поток его
уже почти докатился до Токио.
Четвертого лучища жар
вонзил в юго-восток зубец свой длинный,
и уже
какой-то
поджаренный раджа
лучом
с Гималаев
сбит в долины.
Будто проверяя
– хорошо остра ли я, –
в Австралию звезда.
Загорелась Австралия.
Правее – пятый.
Атакует такой же.
Играет красным у негров по коже.
Прошел по Сахаре,
по желтому клину,
сиянье
до южного полюса кинул.

Размахивая громадными руками, то зажигая, то туша глаза, сеть уха вылавливая
каждое слово, я весь изработался в неодолимой воле – победить. Я облаками
маскировал наши колонны. Маяками глаз указывал места легчайшего штурма. Путаю
вражьи радио. Все ливни, все лавы, все молнии мира – охажую собираю, обрушиваю
на черные головы врагов. Мы победим. Мы не хотим, мы не можем не победить.
Только Америка осталась. Перегибаюсь. Сею тревогу.

Дрожит Америка:
революции демон
вступает в Атлантическое лоно..
Впрочем,
сейчас это не моя тема,
это уже описано
в интереснейшей поэме «Сто пятьдесят миллионов».
Кто прочтет ее, узнает, как победили мы. Отсылаю интересующихся к этой истории.
А сам

замер;
смотрю,
любуюсь,
и я
вижу:
вся земная масса,
сплошь подмятая под краснозвездные острия,
красная,
сияет вторым Марсом.
Видением лет пролетевших взволнован,
устав
восторгаться в победном раже,
я
голову
в небо заправил снова
и снова
стал
у веков на страже.
Я видел революции,

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
видел войны.

Мне
и голодный надоел человек.
Хоть раз бы увидеть,
что вот,
спокойный,
живет человек меж веселий и нег.
Радуюсь просторам,
радуюсь тишине,
радуюсь облачным нивам.
Рот
простор разжиженный пьет.
И только
иногда
вычесываю лениво
в волоса запутавшееся
звездное репье.
Словно
стекло
время, –
текло, не текло оно,
не знаю, –
вероятно, текло.
И, наконец, через какое-то время –
тучи в клочки,
в клочочки-клучишки.
Исчезло все
до последнего
бледного
облачишка.
Смотрю на землю, восторженно поулыбливаясь.
На всём
вокруг
ни черного очень,
ни красного,
но и ни белого не было.
Земшар
сияньем сплошным раззолочен,
и небо
над шаром
раззолотонёбело.
Где раньше
река
водищу гоняла,
лила наводнения,
буйна,
гола, –
теперь
геометрия строгих каналов
мрамору в русла спокойно легла.
Где пыль
вздымалась,
ветрами дуета,
Сахары охрились, жаром лентя, –
росли
из земного
из каждого дюйма,
строения и зеленя.
Глаз –
восторженный над феерией рей!
Реальнейшая
подо мною
вон она –
жизнь,
мечтаемая от дней Фурье,
Роберта Оуэна и Сен-Симона.
Маяковский!
Опять человеком будь!

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru
Силой мысли,
нервов,
жил
я,
как стоверстную подзорную трубу,
тихо шеищу сложил.
Небылицей покажется кое-кому.
А я,
в середине XXI века,
на Земле,
среди Федерации Коммун –
гражданин ЗЕФЕКА.
Самое интересное, конечно, начинается отсюда. Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца XXI века. А я знаю. Именно это и описывается в моей третьей части.

[1922]

Комментарии

Впервые: первая часть поэмы – газ. «Известия ВЦИК», М., 1922, 10 сентября;
вторая часть – газ. «Известия ВЦИК», М., 1922, 23 сентября.

В автобиографических заметках «Я сам» Маяковский сообщал: «Начал записывать разработанный третий год «Пятый интернационал». Утопия. Будет показано искусство через 500 лет».

Стихи, которые поэт опубликовал в журнале «Красная новь», 1922, № 3, под названием «IV Интернационал», были задуманы им как пролог к поэме. В примечании ко второй части «Пятого Интернационала» в газете «Известия ВЦИК», от 23 сентября 1922 года Маяковский пояснял: «Четвертый», «Тридевятый», «Пятый интернационал» – названия одной и той же вещи. На заглавии «Пятый интернационал» остановлюсь окончательно».

Из восьми задуманных частей поэмы были написаны лишь две.

3 октября 1922 года Маяковский читал свою поэму в Большом зале консерватории. Сообщая об этом выступлении, газета «Вечерние известия» от 9 октября приводит слова поэта. «V Интернационал» – это поэма предвидения. Образец творчества грядущих лет».

Громили Василия Блаженного. – В октябрьские дни 1917 года собор Василия Блаженного в Москве был поврежден снарядами.

Надсоны, не в ревность над вашим сонмом эта моя словостройка взвеена. – Надсон, Семен Яковлевич (1862–1887) – русский поэт.

Я говорю просто – фразами учебника Марго. – Марго, Давид (1823–1872) – автор учебника французского языка.

По сравнению с Гершензоном даже получается научно. – Гершензон М. О. (1869–1925) – литературовед и публицист.

...из Пушкино вижу... – Пушкино – дачная местность под Москвой, где в летние месяцы жил Маяковский.

...голова ужé, разве одному Ивану Великому ровесница. – Иван Великий – колокольня в Московском Кремле.

...дом Нирензее стоял, над лачугами крышищу взвеевая... – Дом Нирензее – самый высокий (десятиэтажный) жилой дом в Москве тех лет.

...зубами, нож зажавшими, щерясь, стоит франиуз-зуав. – Зуав – солдат-алжирец в частях французской армии.

В белом, снегами светящемся мире Куки, Пири. – Кук, Фредерик Альберт (1865–1940); Пири, Роберт Эдвин (1856–1920) – американские полярные исследователи.

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru Вымахивает за туром тур он свое мировое фуэтэ. – Фуэтэ – быстрое танцевальное вращение на одной ноге.

...солнечная система свистит в Геркулес. – Геркулес – созвездие.

...направление такое новое – унанимистов. – Унанимисты (франц.) – объединение писателей, придерживавшееся идеи «вселенской коллективной души», в которой «растворятся отдельные личности».

Мистики пишут: «Логос. Это всемогущество. От господ бога-с». – Логос (в понимании идеалистов) – божественное, мистическое начало.

Коган, Петр Семенович (1872–1932) – литературовед и литературный критик. Коган, писал Маяковский, «по-моему, изучал марксизм не по Марксу, а постарался вывести его самостоятельно из изречения Луки – «блохи все не плохи, все черненькие и все прыгают», – считающий эту истину высшим научным объективизмом...» («Как делать стихи?»)

Пролеткультцы не говорят ни про «я», ни про личность... вместо «я-с-то» говорят «мы-с-то». – Маяковский высмеивает чрезмерное увлечение пролеткультовцев большими масштабами, когда «мы» заменяет «я», коллектив – личность. Поэты-пролеткультовцы словно стыдились останавливать свое внимание на внутреннем мире человека, на тех его индивидуальных чертах, которые определяют его как личность.

Потратила пилсудчина... – Пилсудский, Юзеф (1867–1935) – польский политический деятель, националист. В 1920 году развязал войну с Советской Россией. С 1926 по 1935 г. фашистский диктатор Польши..

Сплошной мильерановский фрак. – Мильеран, Александр Этьенн (1859–1943) – реакционный политический деятель, президент Франции (1920–1924), пришедший на смену Пуанкаре, занимавшему в эти годы кресло премьер-министра Франции (1922–1924).

...то из Ангоры, то из Венгерской республики Советов. – Ангора – Анкара, столица Турции с 1923 года. Здесь речь идет о турецком национально-освободительном движении. Венгерская Советская республика была провозглашена 21 марта 1919 года, но в результате империалистического вмешательства пала 1 августа 1919 года.

...в этот самый в Мулен в Руж... – Мулен-Руж – кафешантан в Париже.

Ллойд Джордж зовет в Ливерпуль. – Ллойд Джордж, Давид (1863–1945) – премьер-министр Англии (1916–1922), принимавший активное участие в организации интервенции Советской России. Ливерпуль – город в Англии.

На конференцию. Пажá-пажá! – «Пажа-пажа!» – от слова «пожалуйста» – приглашение.

...а Третьяков в своем «Рыде»... – Полное название стихотворения С. М. Третьякова (1892–1939) – «Рыд матерный».

...У аппарата Фош. – Фош, Фердинанд (1851–1929) – французский маршал, главнокомандующий силами Антанты в 1918–1919 годах. В те дни, когда Керзон грозил Советскому Союзу ультиматумом, Фош демонстративно объезжал границы Польши с СССР.

...горой-головой пльву головасть – второй кикой-то брат черноморий. – В поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» – заколдованная голова брата Черномора.

И встреться с фантазией ультра-Маркони, об лоб разбиваемы облакорезом. – Итальянский инженер-радиотехник и предприниматель Маркони, Гульельмо (1874–1937), вслед за А. С. Поповым (1859–1906) «изобрел» радиотелеграф.

И дальше летит эта самая Лета. – Лета – по древнегреческой мифологии, река забвения в подземном мире.

...пальцами Фоккеров... – Фоккер – марка самолета.

...жизнь, мечтаемая от дней Фурье, Роберта Оуэна и Сен-Симона. – Фурье, Шарль

Пятый Интернационал. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru (1772–1837), Оуэн, Роберт (1771–1858), Сен-Симон, Анри Клод (1760–1825) – социалисты–утописты.

В. Раков

Примечания

1 «Берлин. Долой!» (нем.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!